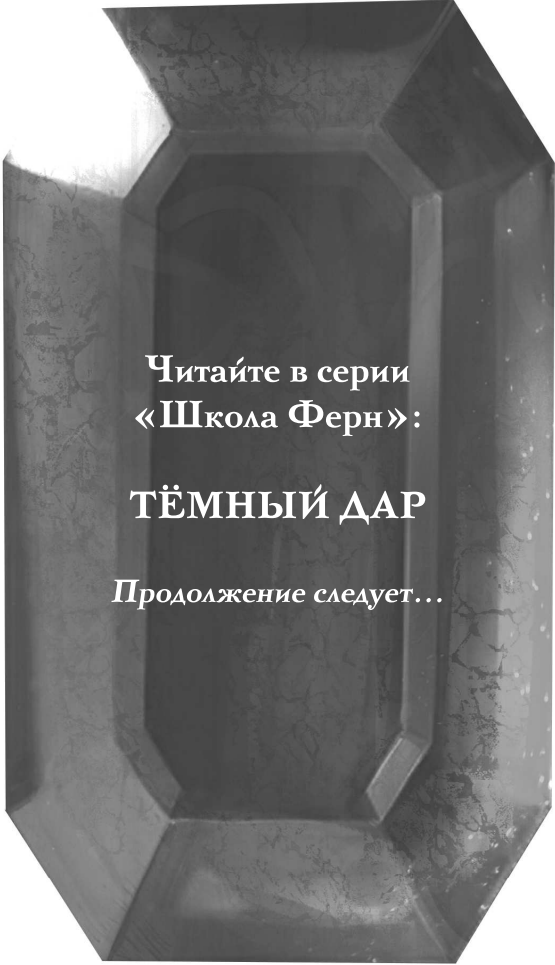

Читайте в серии
«Школа Ферн»:

ТЁМНЫЙ ДАР

Продолжение следует...

СиДжей
Пайпер

Тёмный дар

Москва
2025

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
П12

Piper CJ
THE GRAVEYARD GIFT

Copyright©2024 by Piper CJ
This edition published by arrangement with Transatlantic Literary
Agency Inc. and The Van Lear Agency LLC

Иллюстрация на обложку — *Smorodina*
Дизайн обложки — *пунч*

Пайпер, Сиджей.

П12 Тёмный дар / Сиджей Пайпер ; [перевод с английского А. А. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с. — (Школа Ферн для магических существ).

ISBN 978-5-04-209551-1

Девочка, которая видит, когда вы умрете, и баньши, которая знает, как это произойдет...

Розмари Торп всегда была не такой, как ее сверстники. Главное отличие девочки — способность предвидеть чужие смерти, что, конечно же, мало кому нравилось. И когда слухи о ее даре начали распространяться, Розмари оказалась в Междумирье, в Школе Ферн. В ней она нашла новых друзей: баньши Трим, чей крик может убить, и джинна Эсси, исполняющего желания. Но как только Розмари появилась в школе, один из учеников пропал! И теперь троице друзей необходимо раскрыть тайну этого исчезновения.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-209551-1

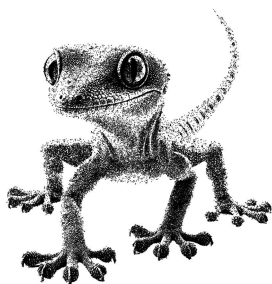
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ИСТОРИЯ ЗАБЫВЧИВОЙ ФЕРН
ПЕРЕСКАЗАНО СИДЖЕЙ ПАЙПЕР

*ЛОХНЕССКОМУ ЧУДОВИЩУ
Я верну твои сокровища,
если ты извинишься*

1
•
МЕЖДУ
НАМИ

Ты умеешь хранить секреты?
Я не умею, но вряд ли меня можно за это винить! Феи обожают шалости. Видишь ли, мы не плохие, хотя хорошими нас тоже не назовёшь. Всё сложно, как оно в жизни и бывает.

Если ты человек, а я надеюсь, что это так, то ты, может, выслушаешь эту историю и сохранишь её на будущее. Люди лучше справляются с этим, чем феи, так мне говорили. Но если ты не человек, а такое тоже может быть, то не сердись на меня за то, что я сейчас скажу. В конце концов, такова моя природа.

Некоторые дети рождаются, веря, что они люди, но затем обнаруживают, что глубоко внутри у них есть что-то волшебное. Двена-

дцать лет назад в совершенно человеческом городке Поинт-Плезант, в Западной Виргинии, у совершенно человеческой матери родилась совершенно человеческая девочка по имени Розмари Торп. Розмари была хорошей ученицей, хорошей дочерью и очень талантливой художницей. По словам её матери, она была слишком умна для своего возраста, что Розмари всегда воспринимала как комплимент.

У неё были каштановые волосы и большие карие глаза, и она предпочитала одеваться в серое. Она любила собирать камни и бродить в лесочке около своего дома. Она ненавидела гудение компьютеров, шум телевизоров и звон телефонов. Но пусть она и мыла волосы, помогала с домашними делами, очень редко обманывала и всегда была вежливой, Розмари с трудом заводила друзей. Видишь ли, очень немногие любят, когда им рассказывают о том, как они умрут.

Её впервые отругали в возрасте четырёх лет, когда она сообщила почтальону, что ему не стоит так быстро есть пирог, иначе он обречён подавиться им до смерти. В первом классе её оставили после уроков за то, что она сказала учителю не быть таким строгим с Тревором, так как он не доживёт до Рождества. В третьем

классе её вызвали к директору за то, что она сообщила библиотекарю, что полки ненадёжны и женщина встретит скорую смерть, если их не починят. Её впервые отстранили от уроков в пятом классе, когда одноклассница упала в обморок — Розмари предупредила её, что молния ударит дважды, и оба раза — в голову. В шестом классе Розмари Торп была навсегда исключена из школы после того, как во время свободного урока, сидя в кругу, все её одноклассники получили мрачное предсказание и восемь родителей пожаловались.

На домашнем обучении было одиноко, но Розмари не возражала. Это дало ей время на чтение, ведение дневника и, что самое важное, работу над своим искусством.

Мать Розмари, Элеонора Торп, была очень доброй женщиной с очень обеспокоенным лицом. Хотя она была довольно молода для матери, на её лбу уже были четыре глубокие морщины, все вырезанные беспокойством. Она пекла удивительный пирог с ревенём, имела приятный мелодичный голос и всегда вовремя оплачивала счета, но её губы были опущены от постоянной хмурости. И когда Розмари оставила свой дневник на кухонном столе, брови Элеоноры сошлись вместе, добавив две новые морщины на её лице.

Розмари усвоила, что люди не хотят слышать о том, как будут раздавлены в лепёшку очень большим автобусом, или о том, как, дожив до восьмидесяти восьми лет, попытаются заняться дайвингом с тигровыми акулами. Поэтому она записывала это в дневник. Она была достаточно умна, чтобы не расстраивать людей, и находчива, чтобы понять, как выразить то, что она видит, чтобы сохранить счастье своей матери. Она часто рисовала картинки, сопровождая свои истории, и это значит, что она использовала ужасно много красных карандашей, затем цветных фломастеров, а потом акварель и краски. Иногда несчастье касалось людей, которых она знала. Часто это были люди, которых она не знала. Иногда она рисовала приятные вещи, например единорогов рядом с розовыми зданиями, толпу мальчиков на карнавале или друзей, исследующих лес, но такие проявления её воображения никогда не получали столько же внимания, сколько её мрачные мысли.

И Элеонора, будучи совершенно человеческой женщиной, не знала, как разобраться в даре Розмари, хотя и думала, что, возможно, некие люди в белых халатах могут помочь.

Дом был пропитан ароматом свежее испечённого печенья 27 августа, в двенадцат-

тый год Розмари, когда прибыли психолог по имени Джеффри и медсестра по имени Сьюзан — хотя их имена не стоят того, чтобы их запоминать. Её мать обещала, что она поедет в хорошее место, довольно престижную больницу для уникальных подростков и детей. В этом интернате, сказала Элеонора, были музыкальные занятия, апельсиновый сок и конюшня с терапевтическими лошадьми. Розмари только нужно будет принимать лекарства три раза в день, по крайней мере, до тех пор, пока она не станет рисовать цветы, пейзажи и закаты. Цветы, добавила Элеонора, а не могильные венки.

Наша история начинается не с упакованных чемоданов Розмари, не с прощальных слёз её матери и не с того, как дом становится всё меньше и меньше, когда она смотрит на него через заднее окно машины Джеффри. Она начинается не с тихого джаза, играющего в приёмнике, не с магистрали и не с укачивания от того, что кое-кто слишком часто перестраивается.

История начинается примерно через три часа после начала поездки, когда врач и медсестра, которые, может, и не самые приятные люди, съехали с шоссе, чтобы купить чизбургеров на троих, ведёрко картофеля фри

и клубничный молочный коктейль. Именно тогда Сьюзан обернулась и обнаружила, что на заднем сиденье совершенно пусто. И хотя они не останавливались и не было мест, куда девочка могла бы спрятаться, не было и сомнений, что Розмари Торп исчезла.

Лицо Розмари присоединилось к многочисленным плакатам с пропавшими без вести детьми, украшающими полицейские участки по всему миру. Джеффри-психолог и Сьюзан-медсестра, конечно, потеряли свои должности, ведь вы не можете сохранить работу, если теряете детей. А Элеонора, хотя и была очень милой женщиной, навсегда скрыла тот факт, что где-то в глубине души она испытывала облегчение от того, что ей больше не надо нести ответственность за девочку, которая так часто думает о смерти.

Видишь ли, Розмари Торп была только наполовину человеком. Но она была и наполовину кем-то другим.

И теперь ты знаешь, как мы оказались в Школе для Заблудших Магических существ.

Думаю, ты можешь называть меня Ферн, хотя это и не моё имя.

Остальное я забыла, так как эта история не обо мне. Но поскольку рассказываю её я, думаю, я назову эту школу-интернат Школой

ТЁМНЫЙ ДАР

Ферн. Может, ты знаешь, а может, и нет — меняй все детали, если это секрет! Если хозяйка увидит, что я присвоила школу, которую она создала, я уверена, что она сильно огорчится. Но я верю, что я в безопасности. Если она захочет меня поправить, ей придётся объявить всему миру, что она ответственна за этот всеми забытый дом. А этого она никогда не делает, ведь это секрет.

Или, по крайней мере, был до сих пор.

2

•

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Желудок Розмари занял и забурчал, сообщая, что пора поесть.

— Не волнуйся. — Сьюзан посмотрела через плечо и улыбнулась Розмари. — Мы остановимся на следующей заправке и купим тебе что-нибудь.

Розмари знала, что было бы вежливо улыбнуться медсестре, но ей не очень-то хотелось улыбаться. Она продолжала смотреть в окно отрешённым взглядом, в то время как сосны Виргинии, подлесок и встречные машины расплывались вдоль шоссе. Ей было слишком больно, чтобы плакать, она была слишком зла, чтобы реагировать, и слишком умна, чтобы беспокоиться о том, кто это сделал и почему.

Потому что она знала почему. И это было несправедливо.

Было несправедливо, что ей потребовалось несколько лет, чтобы понять скрытые и явные тонкости людей и их ожиданий, но в итоге она решила держать язык за зубами и перестала объявлять о чьей-то смерти, и всё должно было наладиться. Однако мать всё равно решила отправить её прочь, несмотря на то, как хорошо она себя вела и как сильно старалась быть нормальной.

Поэтому она смотрела, как деревья превращаются в бесформенные цветные пятна за окном, и представляла, что она свободна, что она сильна и что она бежит очень, очень быстро рядом с машиной. Она бы проигнорировала Сьюзан, если бы женщина сказала что-то ещё.

— Что? — Розмари собиралась спросить. Она открыла рот, чтобы сформулировать вопрос, но не издала ни звука, когда девочка увидела, что она, Джеффри и Сьюзан больше не были втроём в машине.

Она услышала женский голос, но Сьюзан не повернулась. На самом деле медсестра вообще не говорила. Деревья больше не были коричневыми и зелёными пятнами, они стали высокими, с чётко различаемыми ствола-

